

Воскресенье, 12 марта 1916 г.
Dimanche 12 mars 1916

Bi-mensuel russe de Paris
L'Echo de la Vie

№ 1
Цена 10 сантим.

ОТКЛИКИ ЖИЗНИ

ИЗДАНИЕ ГРУППЫ
СОЦИАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВЪ
(Выходитъ два раза въ мѣсяцъ)

Адресъ Редакціи:
Redaction de «L'Echo de la Vie»
19, rue Daguerre, Paris.

Парижъ, 12 марта 1916 года.

ТРАГЕДИЯ БЕЗПРИНЦИПНОСТИ

(Статья первая).

Въ водоворотѣ потрясеній, испытанныхъ социализмомъ съ того момента, какъ разразилась мировая война, наиболѣе страшнымъ, быть можетъ, ударомъ было не столько зло идейнаго и политическаго безсмія социалистовъ, сколько обвинуемое большинствомъ ихъ, непониманіе самой сущности зла— характера кризиса, степени его глубины, его корней и предѣловъ.

Официальный социализмъ жилъ безъ общихъ руководящихъ принциповъ. До войны, формулы его страдали противорѣчіями, недоговоренностью, отчасти неискренностью. Теперь, во время войны, передъ разыгрывающейся оргіею измѣны и отступничества, въ ядовитомъ чадѣ разложенія, раздались съ одной стороны откровенныя рѣчи, бравирующія всею брутальностью своего цинизма, съ другой же стороны исканіе выхода вело въ новые туннели, новыя противорѣчія амальгамировались со старыми и далеко не безвредныя утончи предлагались какъ символъ вѣры тѣмъ, которые стояли передъ лицомъ жестокой необходимости безоотлагательно дѣйствовать.

Критеріумомъ социалистической политики признавались „интересы пролетаріата“. Лозунгомъ ея была провозглашена классовая борьба соединеннаго солидарностью международнаго пролетаріата противъ всемірнаго капитализма, отдѣленнаго отъ него непроходимой пропастью... *Соллидарность пролетаріата!* Какъ будто между пролетаріатами различныхъ странъ не шла борьба за лучшее мѣсто на жизненномъ пиру, изъ-за обезпеченія работы на рынкѣ рабочаго труда, изъ-за права иммиграціи, изъ-за заказовъ и поставокъ, изъ-за конкуренціи продуктовъ, изъ-за таможенной политики!... *Безпощадный антогонизмъ между пролетаріатомъ и буржуазіею!* Какъ будто рабочіе не объединялись съ предпринимателями своего промысла и съ буржуазіею своей страны въ защиту своихъ общихъ экономическихъ, національно-экономическихъ и национальныхъ интересовъ противъ другихъ націй и другихъ странъ!... Развѣ въ этой мирной войнѣ рабочихъ, объединенныхъ съ капиталистами, противъ рабочихъ, объединенныхъ съ капиталистами, не принимали участіе социалисты, стоявшіе на точкѣ зрѣнія солидарности пролетаріата всѣхъ странъ и націй, равно какъ и непримиримаго антогонизма между ними и буржуазіею?

Современныя войны официальная догма объясняла по-что исключительно происками и домогательствами капитализма. Но какъ быть, если національный капитализмъ преслѣдуетъ національно-экономическія задачи, объединяющія его съ национальнымъ пролетаріатомъ? То говорилось, что пролетаріи не имѣютъ отечества; то, напротивъ того говорилось, что именно пролетаріатъ имѣетъ отечество. Война войнѣ. Но въ то же время социалистамъ вѣдывалось въ обязанность то защищать отечество противъ вѣшняго нападенія, то бороться противъ вѣшняго врага, побѣда котораго грозитъ опасностью прогрессу и развитію демократіи. И въ то же время принимались резолюціи, которыя или ни къ чему не обязывали социалистовъ воюющихъ странъ, разъ война стала совершившимся фактомъ, или же ограничивались туманными требованіями, совершенно обходящими вопросъ о возможныхъ послѣдствіяхъ того или другого финала войны для социальнаго прогресса, социальной справедливости и развитія демократіи и о вытекающихъ отсюда обязательныхъ нормахъ поведенія для социалистовъ воюющихъ странъ. Но

«Гверированіе этого щекотливаго вопроса облегчало политику явной измѣны...

Пролетаріи не имѣютъ отечества. Пролетаріи имѣютъ отечество, которое они должны защищать. Пролетаріатъ отдѣленъ отъ буржуазіи бездною непримиримыхъ интересовъ. Пролетаріатъ каждой страны объединенъ солидарностью національных и національно-экономическихъ интересовъ съ правящими классами своей страны. Интересы пролетаріата — высшій критеріумъ социалистической политики. Внутри каждой страны руководящую роль политики социалистовъ даютъ интересы національнаго пролетаріата. Верховный принципъ социализма — интересы социальной справедливости и социального прогресса. Войны имѣютъ исключительно буржуазно-капиталистическій характеръ. Войны могутъ грозить національнымъ и національно-экономическимъ интересамъ даннаго пролетаріата. Войны должны получать различную оцѣнку, смотря по тому, имѣетъ ли мѣсто внѣшнее нападеніе или защита противъ нападенія. Войны должны оцѣниваться съ точки зрѣнія возможныхъ послѣдствій того или другого ихъ исхода для торжества демократіи и социализма. Таковъ былъ хаосъ многорѣчивыхъ и противорѣчивыхъ принциповъ, въ который официальный социализмъ и не пытался вводить ясность пониманія и единое правило дѣйствія.

И, когда разразилась война, произошло то, чего слѣдовало ожидать. На помощь къ безпринципности явились съ одной стороны трусость и расовое чувство, съ другой стороны — идейно-схоластическій атавизмъ. Явились неустовые патриоты-националисты, явились и „внѣ міра сего интернационалисты“.

„Отечество — превыше всего!“, возопили социалисты-националисты, въ родѣ Гейне и Ко. Разъ приходится воевать, интернационализмъ становится миломъ. Каждый социалистъ долженъ защищать свое отечество! И пусть онъ становится на сторону своего отечества даже въ томъ случаѣ, когда оно, въ лицѣ своего преступнаго правительства, отвѣтственно за кровавую войну! Развѣ экономическое благоденствіе пролетаріата не связано съ мощью и развитіемъ его націи, его отечества? Долой безпочвенныя утопическія формулы интернационализма. Да развѣ официальный интернационализмъ самъ не провозглашалъ „права“ защищать отечество? — И вотъ большинство германской социаль-демократіи спокойно и даже горделиво протянуло руки высокопоставленнымъ хищникамъ и августѣйшимъ бандитамъ.

Противъ беззастѣнливаго социаль-бандитизма германцевъ выступаетъ *электрический* социаль-патриотизмъ представителей „пролетаріата и трудового народа“ нашей родины. Интересы русскаго пролетаріата и русскаго трудового народа противъ опасности экономическаго закрѣпощенія германцами! Это — съ одной стороны. Съ другой стороны, не напѣ ли отечество подверглось нападенію? Не есть ли это истинно „демократическая“ война, ибо она „прята массами“? Не есть ли это война противъ ненавистнаго кайзеризма и германскаго милитаризма? Нужды нѣтъ, что она ведется подъ эгидою нашего отечественнаго кайзеризма, несущаго значительную долю отвѣтственности за войну и столь же опаснаго для свободы и прогресса, какъ и его германскій собратъ.

На одномъ полюсѣ — эклектики-патриоты, на другомъ — эклектики-интернационалисты. Для нихъ, *въ этой войнѣ* интернационалистическіе критеріумы ничего не рѣшаютъ.

Интернационалистическіе кри-

теріумы молчатъ. И потому да защищаетъ покажѣсть каждый свое отечество, за неизмѣнимъ лучшимъ правиломъ поведенія социалистовъ! Таково было мудрое заключеніе „интернационалиста“ Каутскаго въ началѣ войны.

Въ переживаемый нами моментъ часто приходится выбирать меньшее изъ двухъ золъ. Но, при сопоставленіи вѣрныхъ патриотовъ съ иными интернационалами, трудно рѣшить, чья позиція ложнѣе и вреднѣе.

А. Ронсизъ.

„БИСЕРЪ НИЗАННЫЙ“

Запоздалые отзвуки...

Впечатленіе отъ «воззванія» объединенныхъ социаль-патриотовъ все еще не сгладилось. Русская пресса нѣтъ-нѣтъ да цитируетъ на него. Обрывочно, мимоходомъ, въ рамкахъ дозволеннаго.

Сумрачный Н. Рожковъ что-то пробрюзжалъ, кое въ чемъ не одобрилъ. Ясноликій Ник. Гюрданскій заступился горой, взявъ подъ свое авторитетное покровительство. И оба — въ послѣднемъ, 12-мъ, номерѣ «Современнаго Слова».

Чѣмъ же недоволенъ Н. Рожковъ?

«Даже умѣренный национально-прогрессивный блокъ — пишетъ онъ — призналъ, что въ Россіи еще не создано условий внутренняго управления, въ достаточной мѣрѣ обеспечивающихъ интересы обороны страны. А оборонцы обошли этотъ вопросъ полнымъ молчаніемъ...»

«Высказываясь затѣмъ противъ «вспышкопустельства» и даже беря на себя смѣлость безусловно осудить разрѣшенная закономъ экономическія стачки, оборонцы мотивируютъ это тѣмъ, что частное должно подчиняться общему, и въ то же время признаютъ, что предприниматели не подчиняютъ частнаго общему. Что это какъ не рекомендація самопожертвованія? Совмѣстимо ли слѣзное самопожертвованіе съ «холоднымъ политическимъ расчетомъ», рекомендуемымъ самими оборонцами?»

Не нравится въ «воззваніи» Н. Рожкову и другое: паническое живописаніе послѣдствій «пораженія».

Въ общемъ, говоритъ онъ, «картина изображена во многомъ вѣрно»: но въ ней попадаются «такіе уродливые штрихи, которые превращаютъ ее въ карикатуру».

«Дѣтскимъ пугаломъ является, напримѣръ, утверженіе, что Германія хочетъ присоединить русскую территорію, удаливъ оттуда все мирное населеніе для заселенія нѣмецкими колонистами. Въ Германіи есть безумцы, лелѣющие эту утопію, но приписывать всей Германіи и даже только ея правительству намѣреніе ее осуществить — значитъ просто вѣрить въ бабушкины сказки». И не только вѣрить — прибавлю я, — но и распространять ихъ, рассчитывая надо полагать, на «сознательность» той публики, которой «сказки» эти преподносятся.

«Болѣе, чѣмъ сомнительны — заявляетъ, наконецъ, Н. Рожковъ — и соображенія относительно торговаго договора, который навязала бы Германія Россіи въ случаѣ своей побѣды»...

Таково обвинение, Ну, а как поставлена защита? Она почти сплошь построена на аргументах ad hominem.

Во первыхъ, говоритъ Н. Иорданскій, больше чѣмъ странно «смѣшивать» Г. Плеханова и его товарищей съ «ура-патріотами»: во вторыхъ, не слѣдуетъ забывать, что «въ русскихъ газетахъ воззваніе появилось съ бѣлыми мѣстами и многоточіями»; а въ третьихъ... въ третьихъ, «суровая и строгая критика» Н. А. Рожкова «оставляетъ впечатлѣніе непримиримаго разногласія съ Плехановымъ и другими авторами воззванія» только «въ первомъ чтеніи»: если же читать ее «внимательно», «постатейно», то это впечатлѣніе «совершенно сглаживается».

Не знаю, насколько приемлема для авторовъ «воззванія» эта «дружеская» защита. Вѣдь Н. Рожковъ очень рѣзко подчеркиваетъ пункты своего разногласія съ «оборонцами». А, по Иорданскому, выходитъ такъ, что Г. Плехановъ и его союзники не прочь принять, вмѣстѣ съ Н. Рожковымъ, нарисованную ими картину послѣдствій пороженія «Каррикатурой и бабушкиными сказками»: что они согласны съ Н. Рожковымъ, на счетъ чрезмѣрной «смѣлости», продиктованной имъ «безусловное осужденіе разрѣшенныхъ закономъ экономическихъ стачекъ»; что они склонны считать «болѣе, чѣмъ сомнительными» свои соображенія относительно торговаго договора, который навяжетъ Россіи побѣдоносная Германія, что они, наконецъ, готовы нести повинную за полное умолчаніе о такомъ важномъ вопросѣ, какъ вопросъ объ интимной связи между интересами фронта и «условіями внутренняго управленія». Это — вопервыхъ.

Во вторыхъ, меланхолическая ссылка на «бѣлыя мѣста и многоточія» можетъ имѣть, конечно, нѣкоторое значеніе лишь для тѣхъ, кто, «воззванія» полностью не читалъ.

Мы его знаемъ прекрасно — во весь его ростъ, со всѣми точками надъ і, со всѣми «красными» мазками. Знаемъ и утверждаемъ, что «мазки» эти не имѣютъ ровно никакого отношенія къ наиболѣе цѣннымъ возраженіямъ Н. Рожкова. Вотъ уже гдѣ по истинѣ можно сказать: видали! читали! и... «краснѣли», не въ прямомъ — какіе ужъ тутъ сантименты! — а въ символическомъ смыслѣ этого слова.

А въ третьихъ... Въ третьихъ, конечно, нельзя ни слѣдуетъ «смѣшивать» Г. Плеханова и его товарищей съ «ура-патріотами». Да этого Н. Рожковъ не дѣ. вляетъ. Онъ просто брюзжитъ. И не безъ основанія. Ибо опасается, какъ бы «патріотизмъ» оборонцевъ не претворился въ головахъ «сознательныхъ крестьянъ-рабочихъ» въ «ура-патріотизмъ». Только и всего!...

Да, откликаются...

Откликнулись и «Русскія Записки». Опять таки вскользь, въ предѣлахъ дозволеннаго. Но все же откликнулись. Должно, не въ моготу стало молчать. И авторъ «Набросковъ Современности», В. Мякотинъ, пишетъ:

«Въ различныхъ органахъ нашей либеральной прессы много разъ заявлялось, что для Россіи эта война является войной за свободу», ибо Россія ведетъ ее «въ союзѣ съ Франціей и Англіей».

И этотъ аргументъ не остался даже исключительнымъ достояніемъ либеральныхъ круговъ — его усвоили себѣ *въ столь же наивной формѣ* и нѣко-

торые представители болѣе лѣваго лагеря» (курсивъ мой).

Указавши затѣмъ на соотвѣтствующее мѣсто въ воззваніи социаль-патріотовъ, В. Мякотинъ продолжаетъ:

«Врядъ ли есть надобность подробно доказывать несостоятельность такого аргумента. Но въ связи съ нимъ стоитъ, пожалуй, припомнить, что нѣкоторые нѣмецкіе социаль-демократы съ своей стороны утверждали, будто Германія въ настоящей войнѣ борется за свободу, и въ доказательство такого утвержденія указывали тотъ фактъ, что Германія воюетъ съ отставшей отъ нея въ смыслѣ политическаго развитія Россіей. Этотъ аргументъ звучалъ неубѣдительно. Но насколько не болѣе убѣдительно и обратный аргументъ. То обстоятельство, что Германія напала на политически-отставшую отъ нея Россію, вовсе не дѣлаетъ еще Германію въ настоящей войнѣ борцомъ за свободу. Но точно также и то обстоятельство, что Россія ведетъ настоящую войну въ союзѣ съ Франціей и Англіей, политически болѣе свободными, чѣмъ Германія, само по себѣ еще вовсе не означаетъ, что для Россіи эта война съ Германіей является борьбой за свободу. *И выдвигать подобныя утвержденія въ сущности значитъ уходить изъ живой дѣйствительности въ туманную область логическихъ софизмовъ и произвольныхъ обобщеній*» *)

Тутъ можно было бы вполне ограничиться стереотипной ремаркой: комментарий излишни. Да, я и не думаю комментировать. Я только вопрошаю: почему люди, которые вовсе не являются прозелитами, поэта, сказавшаго — Разумъ мнѣ не по праву — почему они усвоили «столь наивный по формѣ аргументъ», почему «уходятъ изъ живой дѣйствительности въ область логическихъ софизмовъ и произвольныхъ обобщеній»?

Любопытную попытку отвѣтить на этотъ вопросъ представляетъ «Письмо въ редакцію», помѣщенное въ первомъ номерѣ новаго журнала «Лѣтопись» и подписанное псевдонимомъ «Одинъ изъ недоумѣвающихъ».

Ядовитое это письмо — злое, до непріятности злое; но интересное. Передать его въ извлеченіи не мыслимо: его надо прочесть. А потому отмѣчу всего лишь одну, особенно ядовитую каплю того яда, которымъ буквально пропитана каждая строка этого «человѣческаго документа».

«Недоумѣвающей» авторъ цитируетъ слѣдующія слова В. Розанова: — «Счастливою и великую родину любить не великая вещь. Мы ее должны любить именно, когда она слаба, унижена, наконецъ, глупа, наконецъ, даже порочна. Именно, именно, когда наша «мать» пьяна и вся запуталась въ грѣхѣхъ, мы должны не отходить отъ нея» — цитируетъ и затѣмъ восклицаетъ:

«Вотъ это — подлинное, наше, нутряное!... Любовь нелицемѣрная, любовь преданнаго сына, любовь неразсуждающаго вѣрнаго до гроба раба!...

«Развѣ Фирсъ, старый, милый Фирсъ «Вишневаго сада» — развѣ онъ любилъ своего барина по разсудку?»...

Вы чувствуете поднятую руку. Неужели она опустится? Но исполненный негодующей злобы авторъ

*) Русскія Записки, декабрь. Курсивъ мой.

письма опускает ее. Ему также стало должно быть, непереносно молчать. И онъ сказалъ все, все безъ остатка, что клокотало въ вѣдрахъ его взволнованнаго мировыми событіями сознанія.

Еще недавно — явить онъ — культурное чело-вѣчество было обято духомъ «сатанинской гордыни»; по всей Европѣ неся «погребальный звонъ»: пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь. «Къ счастью, великая война разрушила этотъ кошмаръ. Пролетаріи всѣхъ странъ явили себя добрыми патриотами, любящими свое отечество самоотверженной, безоотчетной, истинно-фирсовой любовью. — И, что всего отраднѣе, Фирсъ проснулся не только въ душѣ рабочихъ, но и въ душѣ ихъ руководителей. У революціонеровъ, которые столько лѣтъ клялись именемъ Маркса, мыслили диалектически и требовали всемірнаго социализма, оказались вдругъ простыя русскія мысли, вѣрные русскія сердца, добрыя русскія души»...

«Милые, вѣрные, родные Фирсы!» восклицаетъ авторъ письма, вспоминая Плеханова, Алексинскаго, Бурцева...

Это большая, серьезная трагедія. И одною лишь ироніей — пусть умною, тонкою, продиктованною крикомъ надломленной души — ее не исчерпаешь.

Тутъ говоритъ нѣчто подпочвенное, иррациональное. Оно-то, повидимому, и играетъ немаловажную роль въ аргументахъ, уводящихъ людей «изъ живой дѣйствительности въ туманную область логическихъ софизмовъ и произвольныхъ обобщеній»...

* * *

Затуманилось... Во головахъ, конечно.

Есть въ психологіи социаль-патриотовъ одинъ счастливый и, по нынѣшнимъ временамъ, завидный штрихъ. Не помните ли вы одного изъ второстепенныхъ персонажей чеховской драмы «Три сестры», учителя гимназій, который, не взирая на всяческія тиранины жизни, неизмѣнно повторялъ: «Я — доволенъ»? Вотъ это-то «довольство», переходящее порой въ кокетливое самолюбованье, одолеваетъ частенько нашихъ социаль-патриотовъ. Когда-то «довольствомъ» дышали рѣчи т. Александра. Теперь «довольствомъ» пронизаны статьи Г. В. Плеханова. Онъ «доволенъ» и даже «гордится» своимъ дѣтищемъ «Призывомъ», «за которымъ навсегда останется огромная заслуга предостереженія трудящейся массы Россіи отъ страшной ошибки пораженчества»; онъ «доволенъ» сотрудниками «Призыва» — доволенъ и Авксентьевымъ зато, что тотъ, «ненуждается въ его комплиментахъ» и «самъ хорошо отстаиваетъ свои тактическіе взгляды», доволенъ и Бунаковымъ, написавшимъ «во многихъ отношеніяхъ прекрасную статью». Но это все «довольство» невинное, хотя и не совсѣмъ понятное, ну хотя бы потому, что и т. Авксентьевъ и т. Бунаковъ все еще остаются членами партіи «соціалистовъ-авантюристовъ» и «соціалистовъ-реакціонеровъ»: такъ, по крайней мѣрѣ, величалъ ее когда-то самъ Г. В. Плехановъ.

Нѣсколько иначе звучитъ «довольство» т. Кубова: оно — съ явственно-выраженнымъ уклономъ въ сторону... мегаломаніи, неперсональной, нѣтъ а такъ сказать фракціонной, направленческой. Онъ, видите ли, находитъ, что вся русская народническая пресса по вопросу о современном моментѣ и отвѣчающей ему тактикѣ стоитъ на точкѣ зрѣнія «Призыва»: даже Русскія Записки присоединилъ ко своей церкви.

Впрочемъ настоящій разговоръ о Русскихъ Запискахъ будетъ какъ-нибудь въ другой разъ. Теперь же я попробую дѣйствовать на т. Кубова лирикой, буду бить на его чувства:

Помилосердитесь, дескать — зачѣмъ такая нена-сытность! Будетъ съ васъ Сѣверныхъ записокъ, Еже-мѣсячнаго журнала и Современнаго ира — не говоря уже о такихъ солидныхъ и почтенныхъ органахъ, какъ Русская мысль и Вѣстникъ Европы. Вѣдь «вся Россія» съ вами! Такъ уступите ужъ намъ хоть надежду на Русскія Записки...

Сомнѣваюсь однако, чтобы мое «воззваніе» возымѣло какое-либо дѣйствіе. Соціаль-патриоты — народъ неумолимый. Въ этомъ отношеніи съ ними можеть поспорить развѣ только депутатъ Карауловъ, который, какъ извѣстно, согласенъ заключать съ нѣмцами миръ «не иначе, какъ на развалинахъ Берлина и на костяхъ Вильгельма».

Подъ знакомъ «любви къ отечеству», «довольства» и неомолимости приходитъ почти вся аргументація социаль-патриотовъ.

Отсюда — и туманъ, перверсія, аберація, порою просто такі изумительные. Возьмемъ хотя бы такой фактъ.

Соціаль-патриоты — вѣдь социалисты, сторонники интернациональной солидарности, пѣвцы международнаго братства. Казалось бы, что, въ качествѣ таковыхъ, они должны привѣтствовать всякую попытку къ восстановленію международнаго общенія, грубо еборваннаго войной, должны радоваться всякому проблеску социалистическаго сознанія, порализованнаго иррациональными движеніями души.

А что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Нѣчто, по существу, непонятное, нелѣпое, дикое. Вспомните ихъ отношеніе къ циммервальдцамъ — эту рѣзко-отрицательную квалификацію почина, сдѣланнаго циммервальдцами, эти грубые выпады, неумѣстныя выходки, неприличныя шуточки во вкусѣ Алексинскаго. Вспомните, какъ тенденціозно «Призывъ» замалчиваетъ все сколько нибудь отрадное въ жизни нѣмецкой социаль-демократіи и съ какимъ, наоборотъ, скрупулезнымъ злорадствомъ отмѣчаетъ и подчеркиваетъ онъ сообщенія изъ Германіи, свидѣтельствующія о томъ, что никакого «возростанія революціоннаго настроенія среди рабочихъ массъ», никакого «отрезвленія отъ военнаго угара» тамъ нѣтъ. Что это такое? Что знаменуетъ собой?

Затуманилось въ головахъ... Настолько затуманилось, что утеряно чувство мѣры, чувство дѣйствительности, чувство живой связи съ трудящимися всего міра, съ идеологіей интернационализма. «Любовь къ отечеству» и «довольство» покрыли собой все, рѣшительно все...

* * *

Много еще «бисеру» собирался я напизать. Да пизки не хватаетъ. Отложу до слѣдующаго раза.

В. Дикій

«Генерированіе этого щекотливаго вопроса облегчало политику явной измѣны...

Пролетаріи не имѣютъ отечества. Пролетаріи имѣютъ отечество, которое они должны защищать. Пролетаріатъ отдѣленъ отъ буржуазіи бездною непримиримыхъ интересовъ. Пролетаріатъ каждой страны объединенъ солидарностью національных и национально-экономическихъ интересовъ съ правящими классами своей страны. Интересы пролетаріата — высшій критеріумъ социалистической политики. Внутри каждой страны руководящую роль политики социалистовъ даютъ интересы національнаго пролетаріата. Верховный принципъ социализма — интересы социальной справедливости и социального прогресса. Войны имѣютъ исключительно буржуазно-капиталистическій характеръ. Войны могутъ грозить национальнымъ и национально-экономическимъ интересамъ даннаго пролетаріата. Войны должны получать различную оцѣнку, смотря по тому, имѣетъ ли мѣсто вышнее нападеніе или защита противъ нападенія. Войны должны оцѣниваться съ точки зрѣнія возможныхъ послѣдствій того или другого ихъ исхода для торжества демократіи и социализма. Таковъ былъ хаосъ многорѣчивыхъ и противорѣчивыхъ принциповъ, въ который официальный социализмъ и не пытался вводить ясность пониманія и единое правило дѣйствія.

И, когда разразилась война, произошло то, чего слѣдовало ожидать. На помощь къ безпринципности явились съ одной стороны трусость и расовое чувство, съ другой стороны — идейно-схоластическій атавизмъ. Явились неистовые патриоты-националисты, явились и „внѣ міра сего интернационалисты“.

„Отечество — превыше всего!“, возопили социалисты-националисты, въ родѣ Гейне и Ко. Разъ приходится воевать, интернационализмъ становится миеомъ. Каждый социалистъ да защищаетъ свое отечество! И нуть онъ становится на сторону своего отечества даже въ томъ случаѣ, когда оно, въ лицѣ своего преступнаго правительства, отвѣтственно за кровавую войну! Развѣ экономическое благоденствіе пролетаріата не связано съ мощью и развитіемъ его націи, его отечества? Долой беспочвенныя утопическія формулы интернационализма. Да развѣ официальный интернационализмъ самъ не провозглашалъ „права“ защищать отечество? — И вотъ большинство германской социаль-демократіи спокойно и даже горделиво прогнано руками высокопоставленнымъ хищникамъ и августѣйшимъ бандитамъ.

Противъ беззастѣнливаго социаль-бандитизма германцевъ выступаетъ *эклетики* социаль-патриотизмъ представителей „пролетаріата и трудового народа“ нашей родины. Интересы русскаго пролетаріата и русскаго трудового народа противъ опасности экономическаго закрѣпощенія германцами! Это — съ одной стороны. Съ другой стороны, не нашѣ ли отечество подверглось нападенію? Не есть ли это истинно „демократическая“ война, ибо она „прята массами“? Не есть ли это война противъ ненавистнаго кайзеризма и германскаго милитаризма? Нужды вѣтъ, что она ведется подъ эгидою нашего отечественнаго кайзеризма, несущаго значительную долю отвѣтственности за войну и столь же опаснаго для свободы и прогресса, какъ и его германскій собратъ.

На одномъ полюсѣ — *эклетики*-патриоты, на другомъ — *эклетики*-интернационалисты. Для нихъ, *въ этой войнѣ* интернационалистическіе критеріумы ничего не рѣшаютъ.

Интернационалистическіе кри-

теріумы молчать. И потому да защищаетъ покажѣтъ каждый свое отечество, за неизмѣнимъ лучшаго правила поведенія социалистовъ! Таково было мудрое заключеніе „интернационалиста“ Каутскаго въ началѣ войны.

Въ переживаемый нами моментъ часто приходится выбирать меньшее изъ двухъ золъ. Но, при сопоставленіи иныхъ патриотовъ съ иными интернационалами, трудно рѣшить, чья позиція ложнѣе и вреднѣе.

А. Ронсигъ.

„БИСЕРЪ НИЗАННЫЙ“

Запоздалые отзвуки...

Впечатлѣніе отъ «воззванія» объединенныхъ социаль-патриотовъ все еще не сгладилось. Русская пресса нѣтъ-нѣтъ да и откликнется на него. Обрывочно, мимоходомъ, въ рамкахъ дозволеннаго.

Сумрачный Н. Рожковъ что-то пробрюзжалъ, кое въ чемъ не одобрилъ. Ясноликий Ник. Иорданскій заступился горой, взялъ подъ свое авторитетное покровительство. И оба — въ послѣднемъ, 12-мъ, номерѣ «Современнаго Слова».

Чѣмъ же недоволенъ Н. Рожковъ?

«Даже умѣренный национально-прогрессивный блокъ — пишетъ онъ — призналъ, что въ Россіи еще не создано условий внутренняго управленія, въ достаточной мѣрѣ обеспечивающихъ интересы обороны страны. А оборонцы обошли этотъ вопросъ полнымъ молчаніемъ...»

«Высказываясь затѣмъ противъ «вспышкопускачества» и даже беря на себя смѣлость безусловно осудить разрѣшенные закономъ экономическія стачки, оборонцы мотивируютъ это тѣмъ, что частное должно подчиняться общему, и въ то же время признаютъ, что предприниматели не подчиняютъ частнаго общему. Что это какъ не рекомендація самопожертвованія? Совмѣстимо ли слѣдное самопожертвованіе съ «холоднымъ политическимъ расчетомъ», рекомендуемымъ еамими оборонцами?»

Не нравится въ «воззваніи» Н. Рожкову и другое: паническое живописаніе послѣдствій «пораженія».

Въ общемъ, говоритъ онъ, «картина изображена во многомъ вѣрно»: но въ ней попадаются «такіе уродливые штрихи, которые превращаютъ ее въ карикатуру».

«Дѣтскимъ пугаломъ является, напримѣръ, утвержденіе, что Германія хочетъ присоединить русскую территорію, удаливъ оттуда все мирное населеніе для заселенія нѣмецкими колонистами. Въ Германіи есть безумцы, лелѣющіе эту утопію, но приписывать всей Германіи и даже только ей правительству намѣреніе ее осуществить — значитъ просто вѣрить въ бабушкины сказки». И не только вѣрить — прибавлю я, — но и распространять ихъ, рассчитывая надо полагать, на «сознательность» той публики, которой «сказки» эти преподносятся.

«Болѣе, чѣмъ сомнительны — заявляетъ, наконецъ, Н. Рожковъ — и соображенія относительно торговаго договора, который навязала бы Германія Россіи въ случаѣ своей побѣды»...

ронъ; что не вмѣстѣ съ правительствомъ приходится организоваться демократія на дѣлѣ обороны, а противъ правительства и вопреки ему („Пр.“, № 17); что въ данный моментъ „важно прежде всего совмѣстное уничтоженіе общаго врага № 21). Правда, рѣчь идетъ лишь пока о поддержаніи выступлений октябристско-кадетскаго блока („лѣваго“ по терминологіи „Призыва“), блока, куда отказались войти и с.-д. и трудовики. Но все же по сравненію съ призывами „За Руб.“ „не мѣшать царизму“ это шагъ впередъ.

Вторымъ пунктомъ, на которомъказывается разница между россійскими сознательными кругами и соц.-патріотами „Призыва“, является вопросъ о возсозданіи международной солидарности.

Совѣщаніе народниковъ чуть ли не въ первую голову признаетъ необходимымъ стремиться къ скорѣйшему возсозданію международной солидарности социалистическихъ организаций для прекращенія войны (курс. мой, Н. А.).

Разъ рѣчь идетъ о задачѣ прекращенія войны, то ясно, что это „возсозданіе“ не отодвигается на послѣ войны, какъ въ этомъ старается пастъ увѣрить „Призывъ“.

Самый фактъ Циммервальдской конференціи, первый шагъ на этомъ пути, вызвалъ въ общемъ очень сочувственное отношеніе въ россійскихъ сознательныхъ кругахъ. Стоитъ напомнить хотя бы о томъ, что писалось о ней, напр. въ статьѣ Русанова въ „Рус. Зап.“

То же въ общемъ сочувственное отношеніе встрѣтила она даже и въ „патріотически настроенныхъ“ кругахъ. За рѣшенія циммервальдской конференціи высказались, напр., меньшевики, стоящіе на точкѣ зрѣнія „обороны“. И тѣ, кто отрицаетъ ея организаціонное значеніе, все же признаютъ, что она „не останется безъ послѣдствій въ области пропаганды идей“, и что „ея манифестъ съ указаніемъ на ужасы войны съ искреннимъ стремленіемъ къ миру безъ насилій надъ народами, будетъ содѣйствовать усилению воли къ миру пролетаріата тѣхъ странъ, въ которыхъ движеніе въ этомъ направленіи уже началось“ (Н. Г.).

Конечно, эти признанія еще ровно ни къ чему не обязываютъ. И отъ платоническаго одобренія до реальныхъ шаговъ въ сторону возстановленія международной солидарности еще очень большая дистанція. Но пусть пока — это только словесное одобреніе. Пусть пока — только это. Это все же какъ будто мостикъ отъ „обороны“ къ чему то болѣе широкому, отъ интересовъ „своего отечества“ къ интересамъ общечеловѣческимъ.

Такого „мостика“ нѣтъ у соц.-патріотовъ „Призыва“. Всякія попытки къ возстановленію международной солидарности теперь встрѣчаются ими враждебно и недоувѣрливо, вызываютъ съ ихъ стороны брань, насмѣшки и издѣвательства.

Рѣдкій номеръ „Призыва“ обходится безъ рѣзкихъ эпитетовъ по адресу Циммервальдской конференціи. Это — „крахъ интернаціоналистов“, это „возъ“ съ „возрожденіемъ“ и „борьбой за миръ“, это „убогая затѣя“ „офицеровъ безъ арій“, это „профанация идеи интернаціональнаго объединенія“, это — „болтовня“, не имѣющая за собой никакой реальной силы, чуждая сознательнымъ рабочимъ массамъ“, это — „разбитое циммервальдское корыто“... И обычное киванье на нѣмецв...

Тяжело читать все это. Тяжело, потому, что за всѣмъ этимъ чувствуется мелкая ненависть къ тѣмъ, кто осмѣлился пойти внѣ „лояльнаго и единственнаго“ пути, кто не откладываетъ своихъ стремленій къ возстановленію международнаго братства до „послѣ войны“, кто даже при оторванности отъ массъ, при полной невозможности правильнаго представительства, беретъ на себя инициативу въ дѣлѣ, которое считается самымъ нужнымъ, самымъ неотложнымъ, самымъ важнымъ для даннаго момента.

Пусть это только попытка, первый шагъ. Пусть она пока не имѣетъ большого практическаго значенія. Но провозглашеніе принциповъ братства народовъ въ то время, когда кругомъ льется кровь и все дышетъ ненавистью и злобой, уже сама по себѣ огромная заслуга передъ социализмомъ и человечествомъ.

„Пустая болтовня“! Но съ какихъ поръ социалисты, служители идеи, стали считать болтовней все, что сейчасъ же, не воплощается въ жизнь, не даетъ немедленныхъ практическихъ результатовъ. Съ какихъ поръ люди, которые должны были бы привыкнуть глядѣть впередъ, стали оцѣнивать все лишь съ точки зрѣнія непосредственной выгоды, интересовъ лишь даннаго дня и клеймить презрѣніемъ и насмѣшкой все, что носитъ печать высшихъ духовныхъ цѣнностей?

Въ этомъ обезцѣненіи идеи, въ этомъ пренебреженіи къ давнымъ давно признаннымъ истинамъ человечества, — лишь отраженіе кошмарной эпохи, переживаемой нами.

И въ своемъ отношеніи къ Циммервальдской конференціи социаль-патріоты „Призыва“, оказавшіеся, какъ и въ вопросѣ о внутренней борьбѣ, далеко позади россійскихъ социалистическихъ круговъ, остались лишь вѣрными себѣ. Они — лишь зеркало, лишь послушное отраженіе дѣйствительности, безъ малѣйшей попытки стать выше ея, всозвыситься надъ пей.

И. Андреева.

РАЗОЧАРОВАНІЯ ЛѢВЫХЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ ИНТЕРВЕНТИСТОВЪ

За послѣднее время въ лагерѣ лѣвыхъ итальянскихъ интервентистовъ стало замѣчаться необыкновенное оживленіе. Стали созываться съѣзды, устраиваться мѣстныя собранія, органы ихъ начали печатать „боевыя“ статьи.

Республиканцы кричатъ на своемъ конгрессѣ о предательствѣ, социалисты-реформисты ходятъ къ Саландрѣ съ увѣщательными и правоучительными визитами, социалисты, отколовшіеся отъ партіи, пытаются образовать новую изъ депутатовъ различныхъ направленій. Радикалы составляютъ грозныя резолюціи. Массоны въ тиши своихъ таинственныхъ ложъ замышляютъ устройство частичныхъ внѣ парламентскихъ кризисовъ. Всѣ они недовольны правительствомъ, осуждаютъ способъ веденія имъ войны и его внутреннюю и вѣнннюю политику.

Лѣвые итальянскіе интервентисты вѣрили, что война, не смотря на всѣ свои ужасы, не смотря на всѣ свои свои неизбѣжныя, печальныя послѣдствія, поведетъ въ концѣ концовъ къ торжеству демократическихъ идеаловъ, къ раскрѣпощенію поработенныхъ націй, къ восстановленію поправной справедливости, къ улучшенію положенія (или, по крайней мѣрѣ, борьбы за него) пролетаріата. Уничтоженіе германскаго милитаризма считалось ими уничтоженіемъ милитаризма вообще и залогомъ прочнаго и долгаго мира. Война всего этого они горячо и энергично добивались вступленія Италіи въ европейскій конфликтъ и всѣми силами дружно поддерживали правое министерство Саландры въ его борьбѣ съ нейтралитами джіолиттіанцами.

Однако, послѣ девяти мѣсяцевъ войны, лѣвымъ итальянскимъ интервентистамъ пришлось, если не отказаться отъ всѣхъ своихъ чаяній и упованій, то въ очепь и очепь многомъ разочароваться.

Прежде всего итальянское правительство вело войну крайне осторожно, не соглашаясь чрезмѣрно тратить силы для энергичныхъ атакъ, либо отвлекать войска для рискованныхъ предпріятій вдаль отъ своихъ границъ. Для правительства война была не „общимъ дѣломъ“, но итальянскимъ и общимъ дѣломъ, велась она во имя „священнаго итальянскаго эгоизма“, для обезпеченія военнаго и торговаго преобладанія на Адриатикѣ, для охраны и расширенія сѣверной границы, для обезпеченія экономическихъ интересовъ въ Средиземномъ морѣ и на Балканахъ. Всѣ попытки лѣвыхъ добиться болѣе энергичнаго веденія войны, послышки войскъ на помощь Сербіи, въ Салоники и на французскій фронтъ потерпѣли поэтому полное фіаско. Имъ пришлось лишь констатировать тотъ печальный для нихъ фактъ, что война ведется правительствомъ совершенно не въ соответствии съ ихъ желаніями и планами, что значеніе союза понимается ими иначе, что съ ихъ точки зрѣнія „дѣйствія правительства являются запоздалыми, недостаточными и ошибочными“, но что они не въ силахъ измѣнить хода вещей. Имъ не давалось отчета въ дѣйствіяхъ и у нихъ не спрашивали совѣтовъ, совѣты же данныя безъ просьбы, оставались безъ послѣдствій.

Главной ближайшей задачей интервентисты считали уничтоженіе германскаго милитаризма и освобожденіе отъ власти нѣмецкаго капитализма, а между тѣмъ итальянское правительство и черезъ девять мѣсяцевъ участія въ конфликтѣ не нашло нужнымъ объявить войну главному врагу своихъ союзниковъ, что же касается нѣмецкаго капитала, то были заключены между Италіей и Германіей договоры о взаимной охранѣ индустриальныхъ предпріятій, пароходовъ и и т. п. Когда же вновь зашла рѣчь о Бельгіи, то итальянское правительство ограничилось лишь тѣмъ, что „не нашло со своей стороны препятствія“ для выступленія .... другихъ союзниковъ.

Въ надеждѣ на тѣ блага, которыя принесетъ съ собой грядущій миръ, итальянскіе социалисты-интервентисты забыли о классовой борьбѣ, республиканцы о своихъ антимонархиче-

скихъ принципахъ, массоны объ антиклерикализмѣ, но нѣсколь-ко дней гому назадъ социалисты-интервентисты Артуръ Лабріола долженъ былъ печатно признать, что „критеріи мира остаются естественной монополіей правительства“ и что его условія будутъ выработаны и заключены „по усмотрѣнію обычныхъ двухъ или трехъ министровъ, считаемихъ компетентными, трехъ или четырехъ пословъ, да зѣсколькихъ, такъ называемыхъ, „высшихъ лицъ“, за ошибки которыхъ будутъ потомъ расплачиваться грядущія поколѣнія“.

Поддерживая министерство Саландры противъ нейтралитовъ джіолиттіанцевъ, лѣвые льстили себя надеждой, что они поддерживаютъ „министерство войны“, не партійный, а національный кабинетъ, но и эту послѣднюю иллюзію отпаялъ у нихъ Саландра сначала рядомъ мѣръ, уничтожившихъ всѣ предположенія о томъ, что главныя тягости войны будутъ нести преимущественно зажиточными классами, а затѣмъ прямымъ заявленіемъ о томъ, что онъ править страной отъ имени монархической либеральной партіи.

Такимъ образомъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ войны, лѣвымъ интервентистамъ пришлось констатировать, что война, къ которой они призывали и на которой проливали свою кровь, ведется буржуазной Италіей для укрѣпленія и усиленія ея, а не во имя провозглашенныхъ ими демократическихъ принциповъ, что повліять на измѣненіе ея хода и характера они не въ силахъ и что условія заключенія грядущаго мира будутъ зависеть не отъ нихъ, Саландра постарался доказать итальянскимъ социалистамъ и республиканцамъ, что они могутъ добиться своего только тѣмъ путемъ, который они сами до войны считали единственнымъ. Будемъ надѣяться, что итальянскіе интервентисты не останутся глухи къ этому уроку, тѣмъ болѣе, что ихъ попытки угрозами и увѣщаніями заставить кабинетъ Саландры измѣнить свои политику и способъ веденія войны повели лишь къ тому, что Саландра предпочелъ сблизиться со своими врагами джіолиттіанцами, чѣмъ такою цѣною купить поддержку своихъ слишкомъ для него неблагонадежныхъ и опасныхъ лѣвыхъ друзей.

Римъ. 1 марта.

Вл. Николаевичъ

Le Gérant: **Hambourg.**

Imprimerie Russe, 19, rue Daguerre
